

23 ИЮН 1971

Зуршарда - 15 октября 1971.
Источники - "Амурская правда", 1971, 12 юл.

ОНИ МОГЛИ БЫ ЖИТЬ...

ГАСТРОЛЬНОЕ ЛЕТО

На первых порах это кажется комедией. Хотя и война идет, но смешно ведь, когда старшина Васков, став командиром шумливой и действующей часто совсем «не по уставу» орды девочек-зенитчиц, пытается от развешенных для просушки деталей женского белья или стыдливо отводит глаза от голоногих подчиненных, расположенных загорать.

Смешно... Но с самого начала есть в этом смехе что-то такое, что заставляет насмехаться. Жизнь не проста, обязательна, трагична в своем естестве. И вовсе не потому, что плохо знают уста, называя они друг друга по именам, или отвечают не по форме. Просто война — состояние противоестественное, диссонансующее с нормальной жизнью. Вероятно, эта простая, давно философские изыски мысли будоражила фантазию художника при инсценировке пьесы Б. Васильева и при постановке спектакля «А зори здесь тихие»...

Много страниц написано в театральной критике о спектакле, осуществленном в минувшем сезоне Юрием Любимовым на сцене Московского театра драмы и комедии на Таганке. И еще, конечно, будет написано немало — постановка достойна того, чтобы оставить след в истории советского театра. Это выдающаяся режиссерская работа, отличающаяся богатейшей фантазией, высоким гуманным порывом, редкой театральной выразительностью, заволнованностью.

Спектакль Амурского областного театра драмы, о котором говорим мы, — копия спектакля московского. Можно по-разному относиться к переносу произведений театрального искусства с одной сцены на другую. Чаще всего такой опыт трудно одобрить. Но случай с «Зорями» заставляет отнести к подобному факту терпение. Во-первых, потому, что перенос сделан при участии постановщика. Во-вторых, несомненно искренняя, по-настоящему творческая увлеченность актеров Амурского театра замыслом режиссера, активность и страсть в стремлении донести этот замысел до зрителя. Осознана творческая отдача исполнителей, их податливый, активный ход навстречу театральным режиссерским мыслям. От этого сияния родился спектакль волнующий, овеянный гражданским пафосом, несущий черты большого искусства.

Изобретательность Любимова удивительна. Кузов грузовика превращается то в деревенскую баню, то в лес, то в болото. Но огромный эффект получается не только от остроумия режиссера, с которым он использует скромные детали оформления. Сила любимова-условности в ее эмоциональной природе, в том, что она будит фантазию зрителя, активизирует ее в определенном направлении, согласном с целью постановщика. Здесь все выверено, как на аптекарских весах: актеры становятся на качающиеся в трюсах доски, раздается звук хлопавшей воды — и зритель в волнении следит, как маленький отряд отважно пробирается через трясину. Доска опрокидывается... и буквально на наших глазах гибнет в болоте славная, так и не дожидавшаяся любви, ничего не успевшая в жизни Лиза Бричкина.

Каждый эффектный, талантливо придуманный трюк у Любимова служит раскрытию эмоциональной природы события, человеческого характера. А все они, сливаясь с усилиями актеров, рождает лирическое повествование, полное любви к людям. Оно вопиет против ужасов войны, против творящих это античеловеческое дело. Оно — за тихие зори, за пенные птиц, за ясные девичьи глаза. Но оно не просто скорбит и унывает — оно обнимает голову перед мужеством девочек, огромно и просто отдавших жизнь за Родину.

Сначала они как будто все на одно лицо — смешливые, наугадные. Наблюдать за их жизнью, несмотря на вражеские налеты, как-то спокойно и весело. Но вот маленький отряд отважно выступает в лес, чтобы перехватить, обезвредить диверсионную группу врага. И перед нами, как под увеличительным стеклом — пять

девчачьих жизней. Здесь постановщики и актрисы раскрывают, что запрещено за улыбочкой отвагой каждой из них. Гибель мужа-пограничника: ночные походы на самоолку, чтобы повзвездить маленького сынишку — в душе всегда подтянутой и справедливой Риты Овсичевой — младшего сержанта (арт. Г. А. Збруева). Невыразимой болью отдаются в сердце протестующие рыдания Гали Четвертак, круглолицей и всегда жизнерадостной (арт. К. П. Гавриленко): ей кажется, что нельзя, невозможно надеяться на себя свет, только что снятый с моты убитой подруги. Сосредоточенна и серьезна Соня Гурвич (Ф. Ф. Тархова). Перед ее ученичеством робает старшина Васков. А Соня читает вслух стихи, когда ей особенно тяжело. В захваченном немцами Минске остались ее родители, и девочка знает: их нет в живых — они в еврейской национальности. Золотоволосая Женя Камелькова (Н. А. Гандер) прислана в «эздровый коллектив» на исправление.

Но как чиста и прерывающаяся ее душа, как отяжело сердцу! И, конечно же, это противостоит, когда немские девчачьи руки должны убавлять. Как противостоит то, что не дожила до любви и до большой жизни Лиза Бричкина (арт. Л. Г. Васильева).

Может быть, одним из самых больших художественных открытий Юрия Любимова стали в спектакле своеобразные реквизиты, посвященные каждой из них. Как молитва проносится в мозгу умирающей кусочек обрвавшейся жизни. А потом звучит песня — для каждой своя. Без этих сцен не было бы итоговой мысли авторского спектакля, такой простой и такой объемной: эти отважные девочки совершили подвиг, но еще важнее то, что они могли бы жить!.. Мысль эта в спектакле обжигает. Она естественно рождает у Васкова приливы гнева и сил, яростной автоматной очередью, крошащей эфирные, выносит старшина приговор: «Стрелять в убойцу! Стрелять в войну!».

Артист И. А. Агафонов играет на сцене Амурского театра много, играет роли разные, в разных спектаклях. Но роль старшины Васкова кажется наиболее интересной в нынешнем гастрольном лете. Отсутствие какого-либо мимика, мягкость, предельная искренность, простота, свойственные актерскому почерку артиста, сделали Агафопова-Васкова очень достоверным. А увлеченность, собственный гражданский темперамент помогли создать емкий образ — народный характер с высокой философской основой. В Васкове Агафопова сочетаются доброта и твердость, отяга настоящего мужчины и солдата с трогательной душевной мягкостью. Это через его глаза и думы раскрываются перед нами девочки, и след за Васковым мы начинаем думать, что это же «будущие матерья». Артист показывает ярко и точно, как этот сибирский таежный мужик с четырехклассным образованием, чувствующий себя дубиной неотесанной в обществе девочек с семилеткой, а то и с десятилеткой за плечами, осмысливает противоестественность происходящего, античеловеческую сущность войны. От этой крепкой философской платформы образ не делается у Агафопова абстрактным. Его Васков живой, осязаемый, «узнаваемый» человек, какая-то близкая родня знаменитому Василию Теркину. Образ Васкова — большая удача артиста.

Театр творчески осмыслил выдающуюся режиссерскую работу Юрия Любимова. Можно говорить о том, что кое-что на московской сцене звучит сильнее. Можно говорить и о кое-каких ритмических неточностях, технических неточностях, которые порой мешают ходу спектакля. Но в этом суть! Театр сумел постичь трудный, но выразительный язык любимова-условности. Театр искренне увлекся гражданственной мыслью произведения. Он с трепетом, тревогой, болью и верой несет ее зрителю. Он говорит сегодня, тридцать лет спустя после начала этой войны: — Люди, будьте бдительны! Не допускайте такого!

Они могли бы жить!..

Н. ФЛОРОВА.